СЕРИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ»

МАРУСЯ ЕВИНА

КНИГА 2

КЛЮЧ ОТ ВИНОГРАДНЫХ ХОЛМОВ

Роман о смелости чувств, шуме моря, красках рассвета и исцеляющей силе любви

18+

2026

Маруся Евина

Ключ от виноградных холмов

«Автор»
2026

Евина М.

Ключ от виноградных холмов / М. Евина — «Автор», 2026

Вера Лаврова обретает долгожданный душевный покой в солнечном приморском городке Белла-Виста на Лигурийском побережье Италии. Ее жизнь наполняется соленым ветром, утренним кофе в кафе «Da Marta» и глубокими, бережными чувствами к архитектору Луке Беллини.Когда на старинной деревянной доске историй появляется тяжелый пергаментный конверт с медным ключом, Вера открывает для себя заброшенную башню на холмах «Вилла Роза» и знакомится с беглянкой Джулией. Взявшись за кисти и краски, Вера находит в живописи свой истинный голос и смелость творить собственную жизнь.Вместе с Лукой и виноделом Маттео де Лука героям предстоит спасти родовое поместье, запустить вековой механизм башенных часов и доказать силу искренней любви перед лицом любых сомнений.«Ключ от виноградных холмов» — светлый, кинематографичный роман о радости Второй роман вдохновляющего цикла Маруси Евиной «Маленькие тайны большого счастья». Каждая книга серии — самостоятельная история со счастливым законченным финалом.

© Евина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дождь над террасами 5
Часть I. Солнце в оконной раме 7
Глава 1. Гостья с холмов 8
Глава 2. Утро нового дня 10
Глава 3. Вкус первого лета 12
Глава 4. Первый тюбик кобальта 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Маруся Евина
Ключ от виноградных холмов

«Истинная нежность не требует громких клятв. Она живет в тихом шепоте морского прибоя, в запахе льняного масла на рассвете, в теплой руке, которая вовремя согреет озябшие пальцы, и в смелости наконец разрешить себе быть счастливой».
Маруся Евина

Пролог. Дождь над террасами

Ливень обрушился на Лигурийское побережье внезапно, превратив узкие горные серпантины в бурлящие ручьи.

Тьма висела над морем плотным покрывалом. Лишь вспышки далеких зарниц на мгновение выхватывали из мрака белые гребни волн, бьющихся о прибрежные скалы, и темные силуэты древних каменных оград.

Двадцатипятилетняя Джулия бежала по скользким ступеням вниз, прижимая к груди небольшой кожаный саквояж. Подол ее темного плаща отяжелел от воды, мокрые пряди каштановых волос прилипли к щекам, но она не замедляла шага. Назад дороги не было. Позади остался Милан с его холодным глянцем, бесконечными приемами и решением семьи выдать ее замуж за человека, видевшего в ней лишь выгодную партию для расширения строительного синдиката.

В кармане плаща холодил пальцы тяжелый фигурный ключ из темной меди — старинный ключ от часовой башни усадьбы «Вилла Роза», принадлежавшей когда-то ее прадеду.

Внизу, сквозь пелену дождя, замерцали теплые янтарные огни городка Белла-Виста. Джулия знала: на маленькой площади Сан-Лоренцо есть место, где никогда не задают лишних вопросов тем, кто сбился с пути. Кафе «Da Marta».

Она взбежала на мощеную туфом площадь, толкнула стеклянную дверь и шагнула в тепло, наполненное густым ароматом корицы, кофе и старого дерева.

* * *

Часть I. Солнце в оконной раме

Глава 1. Гостья с холмов

« «Когда человек бежит от навязанной чужой воли, ему нужен не совет и не нравоучение, а теплое сухое полотенце, чашка горячего чая и тихое присутствие того, кто верит в его право на собственный выбор».»

Колокольчик над дверью кафе звякнул тонко и тревожно.

Вера Лаврова как раз застегивала пуговицы легкого бежевого кардигана, готовясь повернуть замок на входной двери. Сквозь порог ворвался влажный порыв ветра, пахнущий водорослями и прибитой пылью. На каменном полу у входа стояла девушка в промокшем до нитки темном плаще. Капюшон сполз на плечи, явив бледное лицо с огромными, блестящими от волнения глазами цвета спелого каштана.

— Простите... — голос незнакомки дрогнул от холода. Она перевела дух, судорожно сжимая ручку небольшого дорожного саквояжа. — Я увидела свет в окнах. Поезд до Генуи уже ушел, а ночью на станции никого нет.

Из глубины зала неслышно подошел Лука. Его высокая, спокойная фигура мгновенно заполнила пространство тем самым ощущением надежности, к которому Вера успела привыкнуть за последние недели. Архитектор мягко придержал дубовую створку двери, защищая гостью от сквозняка, повернул задвижку и снял с крючка у барной стойки пушистый шерстяной плед.

— Входите, синьорина, — произнес он с той мягкой интонацией коренного лигурийца, которая успокаивает лучше любых лекарств. — В Белла-Виста никого не оставляют на улице в ночной шторм.

Вера подошла ближе, бережно принимая с плеч девушки тяжелый мокрый плащ.

— Я сейчас поставлю чайник, — сказала Вера, тепло взглянув в лицо незнакомки. — Мята, немного горного меда и лимон. Вам нужно согреться.

Девушка опустилась на ближайший плетеный стул у стены, зябко кутаясь в плед. Ее пальцы все еще мелко дрожали. На деревянный столик перед ней лег медный фигурный ключ, привязанный к уголку пергаментного конверта, запечатанного изумрудным сургучом.

— Меня зовут Джулия, — тихо представилась она, подняв взгляд на Веру. — Я оставила этот конверт на вашей доске объявлений полчаса назад. Думала, просто приколю его и уеду первым автобусом. Но потом поняла, что бежать дальше некуда.

— А я Вера, — улыбнулась она, ставя перед девушкой широкую фарфоровую чашку, от которой поднимался ароматный пар. — А это Лука. Вы в безопасности, Джулия. Расскажите, что привело вас в Белла-Виста.

Джулия обхватила чашку ладонями, жадно впитывая тепло.

— Моя семья в Милане решила всё за меня, — глухо произнесла она. — Отец и мой дядя Джанкарло договорились о моем браке с сыном влиятельного промышленника. Мне твердили, что это спасет наши счета, что искусство — это пустая блажь, а ботаническая иллюстрация и масляная живопись не прокормят женщину. Когда я отказалась подписывать брачный контракт, дядя пригрозил продать старинную усадьбу нашей семьи на этих холмах — «Виллу Роза». Он хочет сравнять террасы с землей и построить там бетонный отель.

Лука, прислонившийся к стойке, нахмурился. В его взгляде блеснул знакомый Вере огонек архитектора, для которого каждая старая стена побережья была живой историей.

— «Вилла Роза»? — переспросил он. — Имение Маттео де Лука?

— Да, — кивнула Джулия. — Маттео — мой троюродный брат. Он упрямо держится за эти холмы, ухаживает за лозами в одиночку. А этот ключ... дедушка отдал его мне перед смертью. Он сказал: «Когда тебе станет нечем дышать, поднимись в часовую башню над морем. Там живут краски твоего прадеда».

Вера посмотрела на Джулию и почувствовала, как в груди защемило от острого сочувствия. Еще несколько месяцев назад она сама сидела на вокзале с одним чемоданом, оглушенная разводом и холодными упреками Вадима.

— Сегодня вы останетесь у меня, — твердо произнесла Вера. — Моя мансарда этажом выше пекарни синьора Тонино совсем рядом. Там есть горячая вода, мягкая постель и тишина. А завтра утром мы решим, как подняться на холмы.

* * *

Глава 2. Утро нового дня

« «Утренний свет в Лигурии обладает редким свойством смывать вчерашние тревоги. Он ложится на выцветшую штукатурку стен с такой уверенной нежностью, что сомнения рассеиваются сами собой».»

Утро пришло с пронзительным криком чаек и густым, сладковатым ароматом свежевыпеченного хлеба с розмарином.

Вера проснулась раньше обычного. Солнечный луч пробивался сквозь зеленые деревянные ставни, чертя на терракотовом полу ровные золотые полосы. Она неслышно поднялась, накинула просторный льняной халат цвета небеленого полотна и вышла на маленький балкончик, нависавший над узкой улочкой.

Внизу синьор Тонино уже выставил на деревянный прилавок плетеные корзины с румяными чиабаттами и пышной генуэзской фокаччей, лоснящейся от свежего оливкового масла. Увидев Веру, старый пекарь снял белый полотняный колпак и широко махнул рукой:

— Буонджорно, синьора Вера! Сегодня море ласковое, как парное молоко! Если вашей гостье нужны силы, я приберег для вас горячие бриоши с абрикосовым джемом!

— Грацие, синьор Тонино! Сейчас спущусь! — отозвалась Вера с улыбкой, удивляясь тому, как легко и естественно итальянские слова стали частью ее повседневной жизни.

В маленькой гостиной послышались тихие шаги. Джулия вышла из спальни, уже одетая в сухие джинсы и широкий свитер, который Вера достала для нее из своего шкафа. Следы ночного переутомления еще читались в ее лице, но взгляд карих глаз стал спокойнее.

— Вы спали как младенец, — заметила Вера, разливая в маленькие толстостенные чашки густой черный кофе из гейзерной кофеварки. — Садитесь к столу. У нас есть свежая рикотта, сладкий инжир с дерева у входа и персики.

Они расположились за круглым столом прямо на балконе. Морской бриз шевелил белые полотняные занавески, принося прохладу с залива.

— Здесь удивительно пахнет, — прошептала Джулия, делая глоток кофе и щурясь от яркого солнца. — В Милане воздух пахнет бензином, торопливыми шагами и чужими ожиданиями. А здесь... солью, цветами лимона и покоем.

— Я тоже привыкала к этому не сразу, — призналась Вера, протягивая подруге спелый инжир с растрескавшейся медовой мякотью. — Всю сознательную жизнь я сверяла каждый шаг с расписанием. В Москве казалось, что если остановишься хоть на день, весь мир рухнет. А потом я оказалась здесь. Без планов, без гарантий, просто с одним чемоданом. И поняла: жизнь начинается именно тогда, когда перестаешь подгонять себя под чужие лекала.

Джулия внимательно посмотрела на Веру, заметив на подоконнике блокнот с быстрыми карандашными набросками старого платана на площади.

— Вы рисуете? — с живым интересом спросила она.

Вера слегка смутилась:

— Нет, что вы... Просто детская привычка. В юности я мечтала поступить в художественное училище, но родители настояли на филологическом факультете. Сказали, что редактор — надежная профессия, а краски — баловство. С тех пор я только правила чужие тексты.

Джулия мягко покачала головой:

— У вас очень точная линия. Рука чувствует объем. Вера, когда мы приедем на холмы, я покажу вам, что такое настоящие краски. Лигурийский свет нельзя оставлять только в мыслях, его нужно выпускать на холст.

Внизу у парадного раздался короткий автомобильный сигнал. Вера выглянула с балкона: у бровки стоял темно-синий ретро-автомобиль Луки с открытым верхом. Архитектор вышел из машины, посмотрел наверх и помахал рукой, держа в ладони большой бумажный пакет с горячей выпечкой.

— Пора, — сказала Вера, почувствовав, как сердце отозвалось радостной волной. — Лука приехал за нами. Нас ждут виноградные холмы.

* * *

Глава 3. Вкус первого лета

« «Есть места, где земля помнит тепло сотен заботливых рук. Каждая каменная кладка, каждый крутой уступ на склоне хранят молчаливое достоинство людей, выбравших не легкую выгоду, а преданность своему делу».»

Дорога петляла между вековыми серебристыми оливами и зарослями дикого розмарина, круто забирая вверх над сверкающей гладью Лигурийского моря.

Свежий морской воздух врывался в салон открытой машины, путая волосы Веры. Лука вел автомобиль уверенно, с той спокойной легкостью, с какой местные жители знают каждый изгиб родных утесов. Временами он бросал на Веру теплый, согревающий взгляд, и это безмолвное внимание дарило ей чувство удивительного защищенного покоя.

За очередным поворотом серпантина открылась живописная долина Валь-ди-Роза. Склоны холмов спускались к самой воде гигантскими ступенями, выложенными из серого камня без единой капли цемента — старинными террасами *muretti a secco*. На этих узких полосах земли изумрудными волнами колыхались виноградные лозы, усыпанные наливающимися солнцем янтарными гроздьями. На самой вершине утеса возвышалась усадьба «Вилла Роза» из песочного туфа с круглой часовой башней, увенчанной кованым флюгером.

Во дворе усадьбы путешественников встретил сухой шелест виноградных листьев и густой запах земли, нагретой полуденным зноем.

Из каменного сводчатого подвала вышел мужчина лет тридцати пяти. В грубых полотняных брюках, выгоревшей на солнце рубашке с закатанными рукавами и тяжелых рабочих ботинках, он нес на плече деревянный ящик с садовым инвентарем. Руки его были покрыты ссадинами и следами темной виноградной пыли, а во взгляде серых, глубоко посаженных глаз читалась привычка полагаться исключительно на собственные силы.

— Маттео! — окликнул его Лука, глуша мотор.

Винодел замер. Увидев выходящую из машины Джулию, он медленно опустил ящик на каменные плиты двора. На его суровом, обветренном лице мелькнуло неподдельное изумление.

— Джулия? Что привело тебя сюда из Милана? — его низкий, чуть хрипловатый голос звучал настороженно, но без злобы.

Джулия подошла к нему и протянула на раскрытой ладони медный ключ с фигурной бородкой:

— Я ушла из дома, Маттео. Дядя Джанкарло пытался заставить меня подписать согласие на продажу этих земель консорциуму. Он грозился разорить тебя судебными исками за старые долги отца, если я не соглашусь на брак с их финансистом. Но дедушка перед смертью отдал мне ключ от башни. Он сказал, что в ней скрыта правда, способная защитить «Виллу Роза».

Маттео долго смотрел на старинный металл ключа. Затем перевел взгляд на Веру и Луку.

— Джанкарло уже присылал своих оценщиков неделю назад, — сухо произнес винодел, вытирая руки чистым холщовым полотенцем. — Утверждал, что наши террасы нерентабельны, а старинный сорт «Слезы Мадонны» погиб и не стоит усилий. Он не понимает, что эта лоза высажена четыре поколения назад. Для него земля — это квадратные метры под виллы для богатых туристов.

— Мы поможем тебе, Маттео, — твердо произнес Лука, шагнув вперед и пожав руку кузену. — Я осмотрю фундамент башни и часовой механизм. Если архивы деда там, мы найдем их.

Они поднялись по крутой винтовой лестнице к подножию башни. Маттео вставил ключ в массивный замок дубовой двери. Металл подался с глухим щелчком.

Тяжелая створка медленно отворилась, впуская внутрь столб солнечного света, в котором закружились пылинки.

Перед ними предстала просторная круглая комната с высокими арочными окнами, выходившими на бескрайнюю бирюзу Лигурийского моря. Время словно замерло здесь на несколько десятилетий: у окна стояли три высоких деревянных мольберта, покрытых тонким слоем пыли, на дубовом столе покоились керамические палитры, тяжелые ступки для растирания пигментов и застекленные шкафчики с десятками старинных флаконов и туб из чистого олова.

— Это мастерская дедушки Андреа, — благоговейно прошептала Джулия, проводя пальцем по гладкому полированному дереву мольберта. — Он писал здесь морские рассветы до самой старости.

Вера подошла к широкому окну. Отсюда, с высоты птичьего полета, побережье казалось бесконечным полотном, сотворенным из солнца, белой пены и золотых камней. Внутри нее что-то неслышно отозвалось — словно спала невидимая внутренняя плотина, сдерживавшая дыхание долгие годы.

* * *

Глава 4. Первый тюбик кобальта

« «Творчество начинается не с умения провести идеальную линию, а с готовности разрешить себе несовершенство. Белый лист перестает пугать в тот самый миг, когда кисть касается воды».»

Сквозняк из распахнутых окон башни быстро выдул многолетнюю пыль, наполнив круглое помещение соленым дыханием моря и ароматом сухого чабреца с холмов.

Пока Лука и Маттео осматривали массивный деревянный кожух старинных башенных часов, пытаясь понять, как заклинило шестерни маятникового узла, Джулия открыла тяжелый кедровый сундук в углу мастерской. Внутри аккуратными стопками лежали плотные листы хлопковой бумаги ручного отлива и холщовые свертки с кистями из беличьего волоса.

— Взгляните, Вера, — Джулия бережно извлекла плоскую деревянную коробку с откидной латунной защелкой. — Это дедушкина акварель. Натуральные минеральные пигменты. Они не выцветают даже спустя полвека.

Она достала из коробки увесистый свинцовый тюбик, покрытый патиной, и отвинтила колпачок. Внутри блеснула глубокая, бархатистая синева.

— Кобальт. Чистейший морской кобальт, — с восторгом произнесла Джулия. — Берите кисть, Вера. Хватит стоять в стороне.

Вера отступила на шаг, пряча руки за спину:

— Джулия, я никогда не держала в руках профессиональную кисть. Вдруг я испорчу бумагу? Это ведь память вашего дедушки.

— Бумага создана для того, чтобы на ней появлялась жизнь, — мягко, но настойчиво ответила Джулия, вкладывая в пальцы Веры длинную деревянную ручку кисти. — Краски умирают, когда лежат в темноте ящиков. Попробуйте. Не думайте о том, что получится. Просто посмотрите на воду за окном и позвольте руке повторить движение волны.

Вера опустила кончик кисти в глиняную чашу с чистой родниковой водой, затем коснулась темно-синего пигмента на фарфоровом блюдце. Краска послушно растворилась, превратившись в прозрачный сапфировый шелк.

Когда влажный след лег на шероховатую хлопковую поверхность, сердце Веры пропустило удар.

Она добавила каплю изумрудного, затем легкий оттенок сырой сиены, передающий золотистый блеск полуденного солнца на гребне волны. Цвета мягко перетекали друг в друга, дыша воздухом и светом. В этом простом действии не было привычного для ее прежней жизни напряжения, не было строгого редакторского контроля, взвешивающего каждое слово на весах безупречности. Была только чистая радость живого прикосновения к миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.